

*Автор выражает благодарность
читательнице Prodatanua,
коллегам Анне Одуваловой,
Ирине Котовой и Юлии Набоковой
за неоценимую помощь,
редактору Евгении Харламовой за то,
что поверила в цикл и дала свободу творчества.*

Глава 1

Пахло черникой. И чаем. А еще тем неповторимым, сладко-медовым запахом мягких свечей, которые зажигали в богатых домах. От дешевых твердых свечей першило в горле и хотелось кашлять, а мягкие окутывали уютом и теплом. Если бы я создавала идеальный сон, то в нем непременно бы горели такие свечи.

А еще там были бы теплые сильные руки, невесомо касающиеся кожи.

— Эй...

Глаза опухли, словно от слез. Я с трудом сфокусировала взгляд на Бастиане.

— Я так устала, что ты любишь меня только во сне. Не хочу больше видеть тебя. Это больно, просыпаться в мире, где я не нужна.

— Делли. Ты мне нужна. Я чуть тебя снова не потерял.

Он прижался к моим губам, поделившись дыханием. Поцелуй получился удивительно реальным, как будто происходил не во сне.

Настоящий поцелуй не имеет ничего общего с романтическим соприкосновением губ. Поцелуй с огненным королем обжигающе горячий, слишком откровенный, чтобы быть показанным в кино. И нагота только добавляет в этот пылающий коктейль специй.

Его ладони скользят по талии, вжимают в стальное мужское тело, пока я, как кошка, выгибаюсь под не-

хитрой лаской. Как давно ко мне так не прикасались! Сердце зашло в болезненном трепете, когда пришла мысль, что скоро я проснусь и все это исчезнет. Руки, губы, нежность, запах чая и свечей.

От тоски я всхлипнула, а потом спину обожгло такой болью, что из глаз хлынули слезы, а с губ сорвался отчаянный крик.

— Боги, Делл... прости! — зашептал Бастиан на ухо. — Дай, я посмотрю. Подожди, не плачь. Сейчас, скоро будет не больно.

Он поднялся, из-за пелены слез перед глазами я не видела ничего, кроме смятых темно-синих простыней и стены с грубой каменной кладкой. Похоже, я лежала в какой-то комнате, на постели с пологом. И, похоже, совсем не во сне...

— Выпей.

Он протянул ложку, в которой поблескивала тягучая мутная жидкость.

— Выпей, Деллин, станет легче. Это обезболивающее зелье.

Горькое на вкус, надо заметить. Я закашлялась, села на постели и поежилась. Спине было непривычно легко.

— Это не сон.

— Нет. Не сон.

Я жадно всматривалась в лицо Бастиана. Слабый мягкий свет от пламени сглаживал его черты, напоминая о том Бастиане ди Файре, который встретился мне на первых курсах. Против воли взгляд так и притягивали рельефный торс, тонкая цепочка на шее и растрепанные светлые волосы. Приходилось задействовать весь самоконтроль, чтобы не протянуть руку и не коснуться его.

— Что случилось? Как я оказалась здесь?

— Я нашел тебя на улице, без сознания. В луже крови и с...

— Отрезанными крыльями. — Я опустила голову. — Как ты нашел меня? Случайно?

— Не знаю, Делли. Просто вдруг решил пройтись и почувствовал тревогу.

Я судорожно ощупала шею.

— Кулон? На мне был кулон?!

— Нет. Среди твоих вещей не было никаких украшений, кроме сережек, что я подарил. Они у меня в кабинете. Одежду пришлось выбросить, а остальное я сохранил. Ты расскажешь, что произошло? Это Акорион?

— Нет. Ванджерий решил отомстить за Ясперу. Точнее, за унижение, которое почувствовал, когда я заставила его поделиться магией. Он использовал артефакт, который лишает меня силы, и...

Бастиан протянул руку, погладив меня по волосам.

— Все в порядке. Тебя осмотрел лекарь. Прости, я потревожил раны. Но они быстро заживут.

— Там ужасные шрамы? Он отрезал их неровно, должны были остаться обрубки.

— Лекарь все убрал. Будут два шрама, но главное, что в крыльях нет важных артерий, ты не потеряла много крови. Проспала два дня под зельями, но выглядишь неплохо.

— Два дня?! Боги! Платье! Аннабет! Габриэл! Мне надо... я должна вернуться в школу...

Я начала сползать с постели и, только наткнувшись на взгляд потемневших глаз Бастиана, осознала, что голая. Он сейчас смотрел так, как однажды на первом курсе. Когда мы разделись на поляне, а он был призраком. Тогда я тоже не понимала, что происходит в его голове и что вообще чувствует это огненное недоразумение.

— Ты называешь меня Деллин? — жалобно спросила я.

Он сгреб меня в объятия, уже осторожнее. Боль почти утихла, стало и холодно, и жарко одновременно.

но. Чувствуя себя полной неудачницей, которая расклеилась, услышав пару ласковых слов, я заглядывала в лицо Бастиану, силясь увидеть там ответы на все свои вопросы.

— Как давно?

— Не знаю. Не решил. Ты иногда говорила, пока спала. И мы часто говорили во сне. Почему ты не сказала, что это были не только мои сны, Делл?

— Потому что я тоже не знаю, кто я. И боюсь, что если громко прокричу «Я — Деллин!», а потом сделаю что-то не свойственное мне, то снова увижу в ваших глазах разочарование. Как тогда, в доме Кеймана.

— Помнишь, Брина жаловалась, что после пересадки я изменился? Она меня боялась. Думала, что я уже не ее брат. Я ее понимаю.

— Так когда ты допустил мысль, что я все еще Деллин?

Бастиан пожал плечами. Он не замечал, похоже, полностью погруженный в мысли и разговор, но я буквально млела от того, как он перебирал мои пальцы, гладил запястье, исцарапанную ладонь со следами впившихся ногтей.

— Когда ты говорила с Бриной, наверное. Или когда сидела в кабинете, испугавшись силы. Ты боялась ее, как боялась стать Таарой. И я подумал, что, возможно, часть тебя все же выжила. И я придумывал себе оправдания, почему хочу тебя увидеть, но не могу пригласить на ужин или просто взять и запереть в спальне. А еще ты вернулась богиней, и мне казалось, что должна будешь выбрать бога. От того, какого именно, зависело бы существование Штурмхолда, но точно не смертного короля. Хотя Крост так стремился утешить мое эго, что даже дал должность в школе.

— Думаешь, поэтому? — Я фыркнула.

Представить Кеймана заботящимся о гордости Бастиана никак не получалось.

— Ну не думает же он, что я способен кого-то чему-то научить?

Флер сна постепенно исчезал, боль тоже утихла, и во мне проснулись типично девичьи чувства: стеснение из-за близости парня, нервная дрожь от его поглаживаний, которые становились все наглее, и миллион давно забытых сомнений. Я даже на секунду закрыла глаза, чтобы насладиться моментом, в который единственная моя проблема — что делать, если тебя нагло соблазняют, а ты не можешь не соблазниться.

— Ты не отпустишь меня в школу?

— Зачем? Нужно, чтобы зажили раны. В моем доме болеть приятнее, чем в крошечной комнатухе. Мне думалось, ты не будешь против.

— Я не против, — шепотом, облизав вдруг пересохшие губы, ответила я.

— А когда ты поправишься, я найду Ванджерия и...

— Нет! — Я вцепилась в его руку. — Нельзя, чтобы кто-то узнал.

Бастиан нахмурился.

— Прости? Деллин, он тебе крылья отрезал! На улице, поймав в подворотне, лишив магией силы! Мне ему что, открытку послать?

— Если Акорион узнает, он убьет Ванджерия. А тогда умрет Яспера. И получится как в том анекдоте, когда два ковбоя бесплатно наелись дерьма. Я спасла Ясперу и оскорбила Ванджерия, тот отрезал мне крылья в отместку, Акорион узнал и убил демона, Яспера умерла. Круг замкнулся, а у меня минус две конечности.

— Ванджерий пошел против Акориона? И это меня вы называете самонадеянным эгоистом?! О чем он думал?

— О том, что, вытащив Ясперу из лап матушки, мы пойдем на все, чтобы не потерять ее. И скроем то, что он сделал. Надо признать, это идеальная месть.

— Деллин, мы же не можем просто так это оставить.

— Можем. — Я опустила голову. — Придется. Нельзя рисковать. Ванджерия придется несладко, если победа будет за нами. Но пока что я не хочу втягивать всех в кровавые разборки. Это на руку в первую очередь Акориону.

— Эй! — Бастиан помахал перед моим носом рукой, как будто сомневался, что я в сознании. — Делл! Крылья! Тупым топором! Наживую! Хорошо, мне нельзя сожрать Ванджерия, но можно хотя бы понадукусывать? Он точно так же заинтересован в том, чтобы Акорион ничего не узнал, так что мы вполне можем слегка его потрепать.

— погоди. Выслушай меня, пожалуйста. Ванджерий — сволочь, садист и так далее. Но у него есть некий... кодекс чести, я не знаю, назови, как хочешь. Он считает, что отомстил мне, и не исключаю, что даже попробует снова подружиться. В его системе ценностей за кровь платят кровью. Если мы развяжем войну с ним, он ударит снова. Я не боюсь ни тупых топоров, ни мстительных демонов, но я не одна на свете. Есть Аннабет, я не хочу снова подвергнуть ее опасности. Есть Катарина, которая нужна нам. Яспера, над которой у Ванджерия есть власть. Понимаешь? Слишком много рычагов.

— Мне не нравится идея вот так все оставить. У тебя были красивые крылья.

Я болезненно поморщилась, хотя зелье давно сняло все неприятные ощущения.

— Красивые? Они были ужасны!

— Нет. Красивые. Ты изменилась...

Он скользнул взглядом по тяжелым черным кудрам, груди со шрамом от ножа и животу.

— Очень изменилась. Но далеко не в худшую сторону.

Тут я уже не выдержала пристального взгляда, от которого по телу проходили горячие волны, и сдалась:

— Ты не найдешь мне одежду?

Бастиан был бы не Бастианом, если бы не расплылся в нехорошей такой ехидной улыбке.

— Зачем тебе одежда? Уже ночь. Пора в постель.

Потянулся ко мне, вовлекая в поцелуй. Он все еще помнил, как несколькими движениями практически лишит меня воли. Тело расслабилось от ласковых прикосновений к коже головы, массирующих поглаживаний. К горячим твердым губам присоединился язык, напоминая, каким интимным и откровенным может быть обычный поцелуй.

Я не соображала ровным счетом ничего, когда поддалась напору и откинулась на спину, позволяя Бастиану вдавить меня своим телом в постель. И тут же взвыла. Успокоившиеся было раны снова обожгло адской болью. Бастиан мгновенно дернул меня к себе, поднимая, но на одеяле все равно остались следы крови. А меня трясло, не столько от боли, она была вполне терпима, сколько от воспоминаний и странного чувства беспомощности. На мне уже не было кулона, блокирующего силу, но я все равно чувствовала себя уязвимой. Как будто вместе с крыльями тупым серебряным топориком сковырнули всю броню.

— Прости. Я увлекся, забыл. Сейчас дам тебе еще немного зелья. Повернись спиной, я посмотрю швы.

— Там швы? — жалобно всхлипнула я, тут же устыдившись порыва слабости.

— Лекарь оставил мазь как раз на такой случай. Но тебе придется спать на животе. Справишься?

Я подумала, что вообще не смогу сегодня спать, но промолчала, закусив губу в ожидании боли. И она по-

следовала, обжигаяще горячая, одновременно и ноющая, и пульсирующая. Движения Бастиана были осторожные, но раны все равно нестерпимо жгло заживляющей мазью. Чтобы не всхлипывать, я закусила губу.

— Ну, вот. А ты собиралась идти в школу. Нет уж, в этом доме полно охраны, приходит хороший лекарь, и всякие Ванджерии отправляются в пешее эротическое еще с порога. Ты будешь жить здесь, Деллин Шторм, потому что хватит с меня драмы. Я могу тебя защитить и вылечить.

— Хорошо, — устало вздохнула я.

Послышался звук завинчивающейся крышки, а потом Бастиан осторожно коснулся губами шеи на загривке. Легонько пощекотал щеку и вздохнул.

— Тебе будет больно, что бы я ни сделал с тобой сейчас. Поэтому давай просто поспим.

— Поспим? Ты не уйдешь?

— Это моя спальня, — я услышала, как он улыбнулся, — я никуда не собираюсь из нее уходить. И я уже спал здесь, пока ты изволила валяться без сознания.

— Можно мне умыться?

Глаза припухли, а на руках еще виднелись следы засохшей крови. Кто-то (мне было проще думать, что это был именно безликий равнодушный «кто-то») раздел меня и вымыл, привел в порядок волосы, ведь в них наверняка была куча грязи и камней. Но мне хотелось освежиться и немного... не знаю, отдышаться, что ли? Должно быть, зелье обладало каким-то побочным эффектом, потому что происходящее до сих пор казалось сном. Я правда у Бастиана? Или умерла от болевого шока, и подсознание выдает такие приятные галлюцинации? Хотя нет, раз здесь до сих пор не появилась мамочка, я точно не умерла.

В ванной я долго стояла, прислонившись лбом к холодному зеркалу. В нем словно отражалась

какая-то другая Деллин. Уставшая, растерянная, с затаившимся в глубине глаз страхом.

«Что, щелкнули богиню по хаосу?» — почти наяву в голове возник голос Ясперы.

О да. Никто бы не смог убить во мне самонадеянность так, как это сделал Ванджерий. Неприятно вдруг осознать, что ты совсем не такая уж непобедимая и крутая. Значит, у Акориона есть не только меч, способный убить меня, но и артефакт, лишаящий силы. Это осложняет ситуацию.

Когда я вернулась в спальню, то застала Бастиана перестилающим постель.

— Ого. Огненный король сам заправляет постель. А я думала, за тебя все делают слуги.

— Дразнишься? — Бастиан улыбнулся. — Не надейся, я не поведусь на твои провокации. Но если интересно: меня бесит мысль, что кто-то тебя увидит. На ближайшие несколько дней ты — исключительно мое сокровище.

Захотелось срочно залезть под одеяло, мурлыкнуть и прижаться к теплому боку. Хотя где-то глубоко внутри противный вредный червячок мерзеньким голоском повторял: «Обидься на него! Он нас мучил! Он нам не верил! А теперь что, сделал щенячьи глазки, и мы его простим?!»

— О чем это ты задумалась? — спросил Бастиан.

— О том, что, если буду обижаться на тебя за то, что ты мне не верил, никогда не урву себе кусочек счастья. И о том, что снова хочу спать, хотя проспала целую вечность.

Я все же забралась на постель и с огромным облегчением укрылась одеялом. Если Бастиан и впрямь теперь верит, что я все еще Деллин, то мог бы и догадаться, что разгуливать перед ним голой мне не так-то просто. Я, конечно, помню всякое из прошлой жизни, но думать об этом совсем не хочется. Прошлое —